

Воздух, пропитанный запахом антисептика с едва уловимой, приторной ноткой блокатора феромонов, просочился в ноздри.

Ресницы Чи Чэна мелко задрожали, и он с трудом приподнял тяжелые веки. Перед глазами предстал знакомый, обшарпанный потолок школьного медпункта, над головой тихо гуляла лампа дневного света.

Сознание, словно затонувшее судно, с трудом всплывало на поверхность, принося с собой тупую боль, как при тяжелом похмелье, и странное, болезненное ощущение, будто его душу силой запихнули обратно в чужую оболочку.

Он слегка повернул голову. Зрение еще было затуманено, но лицо, полное беспокойства, тут же сфокусировалось — это был Ван Шо.

— Чи Чэн, ты как? — Голос Ван Шо звучал встревоженно, он подался вперед, почти нависая над кроватью.

Его небольшие глаза впились в Чи Чэна, словно пытаясь вычитать что-то на бледном лице.

Горло Чи Чэна пересохло. Не успел он ответить, как сбоку донесся насмешливый, небрежный голос:

— Ну что, очнулся? — Го Цэнъюй, закинув ногу на ногу, развалился на пластиковом стуле у стены. Его большие пальцы с ловкостью порхали по экрану телефона, издавая едва слышное «цок-цок».

Он даже не поднял головы, но уголки его губ изогнулись в предвкушении зрелища: — Я же вчера по-хорошему советовал не упираться рогом, найти себе мягкого, сладкого Омегу, чтобы сбросить напряжение — и дело с концом. Нет, надо было до последнего гнуть свою линию, гоняться за этим своим идеалистическим «высоким уровнем совместимости». И что в итоге? Довел себя до феромонного срыва в период восприимчивости и загремел в медпункт. Доволен? Посмотри на других Альф, кто еще такой упрямый, как ты? Пока лбом стену не прошибет...

— Омега? — Чи Чэн машинально повторил это слово, голос звучал неестественно хрипло. Это слово сработало как ключ, мгновенно срывая засов с памяти.

Чуждые ему, безумные потоки информации об особенностях пола АБО, феромонах, периодах восприимчивости и совместимости хлынули в сознание, как яростный прилив, вдребезги разбивая его прежнее мировоззрение.

Он резко зажмурился, на виске запульсировала вена, пока он пытался переварить эти внезапные, перевернувшие всё с ног на голову «истины».

После короткого головокружения Чи Чэн снова открыл глаза. Его острый взгляд скользнул по лицу Ван Шо — до неприличия молодому, почти юношескому, а затем резко переключился на Го Цэнъюя. С его лица тоже исчезла та зрелая расчетливость, что осталась в глубокой памяти, оставив лишь дерзость и бесшабашность студенческих лет.

Абсурдная и пугающая мысль пронзила его. Экран на прикроватной тумбочке загорелся, холодный синий свет отразился на его бледном лице. На экране блокировки четко светилась дата: 15 сентября 2015 года. Четвертый курс!

Сердце словно сжала ледяная рука, а затем оно провалилось в бездну. Огромный шок и последовавшее за ним недоверие мгновенно перекрыли физическое недомогание.

Чи Чэн рывком сбросил с себя тонкое одеяло — в этом движении сквозила решительная холодность.

— Чи Чэн, может, полежишь еще? Врач сказал, тебе нужно наблюдение... — Ван Шо тут же протянул руку, пытаясь прижать его к кровати, в его голосе сквозило неприкрытое беспокойство.

— Не нужно! — Голос Чи Чэна прозвучал холодно, как звон льда. Он безжалостно отшвырнул руку Ван Шо, и в этом жесте читались нескрываемое отчуждение и отторжение.

Он бросил на Ван Шо ледяной взгляд — острый, как нож, словно стремясь прожечь кожу и заглянуть в самую суть. Ван Шо замер, его озабоченное выражение лица застыло.

Чи Чэн перевел взгляд на Го Цэнъюя, который все еще возился с телефоном: — Идите на пары, — бросил он, быстро натягивая помятую куртку, лежавшую в ногах. Его голос звучал отрывисто: — У меня дела, нужно выйти.

Он должен немедленно, прямо сейчас увидеть У Совэя! Убедиться, что тот существует в этом мире! Пусть даже издалека, хоть одним глазком!

Не дожидаясь ответа, Чи Чэн широкими шагами направился к выходу из медпункта, будто за ним гнались дикие звери или впереди ждал единственный ответ, который мог ускользнуть в любую секунду.

Дверь захлопнулась с глухим стуком. Не знаю, что он опять задумал. Пошли, Ван Шо, на пары, — бросил Го Цэнъюй.

Двигатель издал низкий, подавленный рык, когда Чи Чэн вдавил педаль газа в пол. Черный «Мерседес», словно стрела, выпущенная из лука, разрезал ленивый полуденный воздух и помчался в сторону Пекинского технологического университета.

Пейзаж за окном превратился в размытые цветные пятна, но это не могло успокоить бешено колотящееся сердце, готовое раздробить ребра.

Впереди показались знакомые очертания ворот университета с их характерной строгой архитектурой.

Чи Чэн резко ударил по тормозам, шины с визгом вгрызлись в асфальт. Он вцепился в руль так сильно, что костяшки пальцев побелели и мелко дрожали.

Тот безрассудный порыв, что гнал его сюда, при достижении цели сменился страхом и растерянностью. Что он скажет?

Пока он пребывал в смятении, из ворот вышли несколько парней, переговариваясь и толкая друг друга.

Солнце безжалостно заливало их светом. Тот, что шел впереди, в простой белой футболке и выцветших джинсах, держался прямо, словно стройный тополь, растущий под палящим солнцем.

Он повернул голову к пухлому парню рядом и громко рассмеялся, его глаза сияли, а улыбка была такой яркой, что, казалось, могла ослепить. Это был У Совэй! Живой, настоящий!

Дыхание Чи Чэна перехватило. Огромная волна восторга накрыла его с головой, едва не лишая чувств. Он жадно, почти одержимо смотрел через стекло автомобиля на эту фигуру.

Но в следующую секунду отчаяние и хаос, словно ледяная вода, погасили пожар в его груди. Он увидел на шее У Совэя, под низким воротом футболки, квадратный пластырь с гладкими краями — блокатор феромонов для Альф. Альфа!

Осознание, подобно отравленному ледяному шипу, вонзилось в сердце Чи Чэна. В этом странном мире АБО У Совэй больше не был тем, кого он знал и мог без колебаний заключить в объятия. Он был Альфой! Между ними пролегла бездонная пропасть, имя которой — физиологическое отторжение.

Пока он пребывал в шоке, компания У Совэя подошла совсем близко.

— Эй, Толстяк, глянь, какая тачка крутая! — звонкий голос У Совэя пробился сквозь стекло, отчетливо долетая до Чи Чэна.

Он указал пальцем на Мерседес: — Посмотри на эти линии, на цвет! Когда-нибудь, когда я разбогатею, обязательно куплю себе такую. Прокачу тебя с ветерком, покажу, что такое скорость и драйв! Ха-ха-ха!

Сосед, которого называли Толстяком, поправил очки и безжалостно разрушил его мечты: — Мечтать не вредно, Вэй-гэ! Если мы сейчас вывернем наши карманы, вряд ли наберем даже на четыре колеса, и то, если повезет! Какой там Мерседес, ты еще во сне не такое увидишь!

Он преувеличенно вздохнул и похлопал У Совэя по плечу: — Оставь пустые фантазии, парень! Будь реалистом, лучше подумай, какую лапшу мы сейчас пойдем есть!

— Иди ты! Не знаешь, что ли: не смейся над бедным юношей? — У Совэй рассмеялся и с силой толкнул Толстяка в плечо. — Раз так, сегодня с тебя лапша! Я возьму две порции говядины!

— Ну ты и наглец! — рассмеялся Толстяк.

Их искренний смех и живой, полный бытовой простоты разговор, пропитанный ароматом юности, пронесли мимо окна машины.

У Совэй даже не бросил лишнего взгляда в сторону салона. Чи Чэн застыл на водительском кресле, напряженный, как холодный камень.

Он смотрел, как У Совэй небрежно закинул руку на плечо Толстяка, и их фигуры растворялись в солнечном свете. В груди вскипела невиданная, пугающая даже его самого ярость.

Нужно успокоиться. Чи Чэн заставил себя закрыть глаза и глубоко вдохнуть. Он в последний раз посмотрел в ту сторону, где исчез У Совэй, и резко завел мотор. Двигатель издал подавленный рык, Мерседес развернулся и умчался прочь.

Ему нужен план. План, который позволит снова приблизиться к У Совэю, не прослав при этом маньяком или врагом.

Появившись в Пекинском технологическом, Чи Чэн чувствовал себя призраком, вторгшимся на чужую запретную территорию. Целую неделю он бродил в тених, как соглядатай. Зарегистрировал фейковый аккаунт на форуме университета, оставил заявку на участие в баскетбольном матче. «Случайно» оказывался в закусочной, где часто бывал У Совэй, и садился в углу. Он даже раздобыл расписание У Совэя и стоял в конце коридора, наблюдая за ним из-за угла.

Каждое приближение, каждый взгляд сопровождалось невыносимой болью и самоистязанием.

Феромоны У Совэя — запах цитруса и лимона, прогретых солнцем, полных жизненной силы — для Чи Чэна, тоже Альфы, должны были стать сигналом к немедленному отторжению.

Этот запах, словно тысячи крошечных игл, раздражал его инстинкты Альфы. Но еще сильнее физического отторжения был разрывающий душу зов.

Каждый раз, вдыхая этот солнечный аромат, Чи Чэн чувствовал, как невидимая рука сжимает его сердце, а затем резко отпускает.

Он жадно вдыхал этот запах, зная, что каждое дыхание отзывается нервной болью и инстинктивным сопротивлением, словно он пил яд, пытаясь утолить жажду.

За неделю Чи Чэн стал лучше понимать правила этого мира. Альфы занимали вершину пищевой цепочки, но страдали от тяжелых периодов восприимчивости. Омеги были существами, которых одновременно защищали и ограничивали. Беты составляли молчаливое большинство. А Энигмы... они были легендой, почти не существующим полом.

Чи Чэн посмотрел на свои руки. Диагноз врача гласил: срыв феромонов из-за подавления периода восприимчивости.

Хорошая новость заключалась в том, что его тело было телом Альфы, обладающим силой, чтобы быть рядом с У Совзем. Плохая — в том, что У Совэй тоже был Альфой.

<http://bllate.org/book/19432/1903473>